

EDN: DAOCPC
УДК 314.74

The Shimmering City: a View of Khabarovsk by Different Generations of Transmigrants

Andrey V. Kovalevskii*

*Pacific National University
Khabarovsk, Russian Federation*

Received 22.07.2024, received in revised form 23.07.2024, accepted 16.09.2024

Abstract: The paper analyses the situation when people leaving Khabarovsk for permanent residence in other regions of Russia and abroad retain close ties with their place of origin and act as a significant and permanent factor determining communication in the urban community. On the basis of the collected empirical material (a series of informalized interviews with city residents and former Khabarovsk residents) we put forward a hypothesis that there are three groups of “those who left”.

The first group does not seek to maintain contacts with the place of origin. As a rule, they are young people who stayed in a large city after studying at a university or left Khabarovsk immediately after completing their education. The second group retains contacts with ‘fellow countrymen’ at the point of arrival and at the point of departure, although it gradually expands its circle at the expense of representatives of the host community. These are people of more mature age who retain family and friendship contacts, but are oriented towards joining the host community. The third group is agents who exist simultaneously in two spaces (a kind of migrant laborers). Most often, they have property for rent in Khabarovsk, an income-generating business, etc.

According to the hypothesis proved in the article, it is the latter group that acts not only as a link between those who left and those who stayed, but also reduces costs for new migrants and unites the city residents who have already left into a kind of “diaspora”.

Keywords: migration, transmigration, Far East, Khabarovsk, urban community.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project № 24–28–00554 «Peculiarities of internal transnationalism in Russia: the road from East to West»

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Kovalevskii A. V. The Shimmering City: a view of Khabarovsk by different generations of transmigrants. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(10), 1863–1874. EDN: DAOCPC

Мерцающий город: взгляд на Хабаровск у различных поколений трансмигрантов

А.В. Ковалевский

*Тихоокеанский государственный университет
Российская Федерация, Хабаровск*

Аннотация. В работе предполагается анализ ситуации, когда люди, уезжающие из города Хабаровска на постоянное место жительства в другие регионы России и за ее пределы, сохраняют тесные связи с местом исхода, выступают значимым и постоянным фактором, детерминирующим коммуникацию в городском сообществе. На основании собранного эмпирического материала (серия неформализованных интервью с жителями города и бывшими хабаровчанами) выдвигается гипотеза о наличии трех групп «уехавших».

Первая группа не стремится к сохранению контактов с местом исхода. Как правило, это молодые люди, оставшиеся в крупном городе после учебы в вузе или уехавшие из Хабаровска сразу после завершения образования. Вторая группа – сохраняет контакты с «земляками» в точке прибытия и в точке исхода, хотя постепенно расширяет свой круг за счет представителей принимающего сообщества. Это люди чаще более зрелого возраста, сохраняющие родственные и дружеские контакты, но ориентированные на вхождение в принимающее сообщество. Третья группа – агенты, существующие одновременно в двух пространствах (своего рода, мигранты-вахтовики). Чаще всего у них в Хабаровске остается недвижимость, сдаваемая в аренду, приносящее доход предприятие и т.д.

Согласно гипотезе, доказываемой в статье, именно последняя группа выступает не только связующим звеном для уехавших и оставшихся, но и снижает издержки для новых мигрантов, соединяет уже уехавших жителей города в своего рода «диаспору».

Ключевые слова: миграция, трансмиграция, Дальний Восток, Хабаровск, городское сообщество.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00554 «Внутри региональных миграций в России: путь с Востока на Запад»

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).

Цитирование: Ковалевский А.В. Мерцающий город: взгляд на Хабаровск у различных поколений трансмигрантов. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(10), 1863–1874. EDN: DAOCPC

Пространство города и социальное пространство. Постановка проблемы

Чаще всего, когда мы слышим слово «город», каждый из нас представляет Москву, Омск, Хабаровск или любой другой, но прежде всего конкретный город. Более того, перед глазами начинают проплывать

знакомые улицы, здания, площади, где-то в глубине сознания проигрывается музыкальная реклама, свойственная именно данному городу, а перед глазами возникают вычурные вывески знакомых магазинов. В социологии города подобный прием, наряду с психологией, называется интроспекцией (Steel, 2013).

В этом случае для нас совершенно неважно реальное расположение объектов физического мира внутри политических границ, равно как и не важны любые объективные параметры реальности. Город для нас возникает не как пространство физическое, а как пространство социальное. В этом случае городом становится результат считывания и понимания артефактов, расположенных в пространстве физического мира – наш социальный опыт и опыт взаимодействия с другими социальными агентами, считывающими тот же набор артефактов, – горожанами.

В данном случае мы говорим о социальном пространстве, описанном еще в работах Г. Зиммеля (Zimmel, 1996), где ключевым становится описание механизма наделения смыслами артефактов материального мира. Важным теоретическим основанием для нас является нахождение в конкретном пространстве этих самых социальных смыслов – у них есть место. Это место и есть привычное для нас понимание города.

Далее мы обращаемся к позициям П. Бурдьё, где он описывает *habitat* или место обитания габитуса – системы приобретенных диспозиций социального агента. Одно и то же физическое пространство предоставляет разные социальные шансы для разных социальных групп в связи с их диспозицией в социальной иерархии (Bourdieu, 1993). Таким образом, социальное пространство содержит в себе условия для возникновения многих форм социальной коммуникации по поводу одних и тех же объектов материального мира. В масштабе города – объекта рефлексивного и объекта наложения разных социальных пространств это приводит к социальным конфликтам – борьбе за город (Harvey, 2003).

Но социальное пространство помимо параметра «места» еще имеет и параметр «время». Борьба за город – это не только наложение социальных пространств, это еще и форма социального действия, а действие протекает во времени. Но могут ли социальные пространства, сформированные в физическом пространстве города, «законсервироваться», если их перенести

в другое физическое пространство в своем первозданном виде на какое-то время? И что будет, если их затем вернуть в свои исторические границы? Вступят ли они в конфликт с новым социальным пространством? На эти вопросы мы и попытались дать ответ в статье.

Помимо этого, нам стало интересно, может ли существовать социальное пространство города в «разорванном» состоянии, т.е. находясь в физическом пространстве разных городов. Эту гипотезу мы допускаем исходя из двух положений, сформированных в ходе полевых исследований группы научных проектов и серии биографических нарративов с мигрантами. Во-первых, мы отмечаем нарастающую и форсированную в связи с внешнеполитическими конфликтами в последние годы миграцию. В такой ситуации мигрант принимает решение об отъезде в короткие сроки, сохраняет активные контакты с местом исхода и часто не создает прочные связи с местом прибытия, так как оно воспринимается «оазисом», но никак не домом. И, во-вторых, исходя из положений об изменении форм коммуникации внутри социальных сообществ (Castles & Miller, 2009). Цифровые формы коммуникации, в особенности для более молодых групп населения, стали основной формой взаимодействия в сообществах и постепенно исключают привычную для городских сообществ коммуникацию «глаза в глаза».

Также важно сказать несколько слов о том, что мы называем городскими сообществами, и объяснить, почему мы будем отождествлять социальные группы мигрантов с городскими сообществами. Итак, говоря о городских сообществах (устоявшееся – «urban community») (Wirth, 1938; Blokland, 2003), мы имеем в виду не территориальную (пространственную) привязку, напротив, она играет все меньшую роль (Graham et al., 2001), а скорее особую социальную ткань, связывающую в сообщества людей с общей культурной идентичностью, социальными практиками и интересами. Другими словами, город в виде особого структурированного социального про-

странства образуется при взаимодействии социальных акторов (формирующих городские сообщества) путем наделения различными смыслами одних и тех же физических объектов в условиях неравенства своих положений в социуме. Вместе с этим и само понимание «конкретного города» меняется от сообщества к сообществу.

Хабаровск – искусственный мегаполис и проточное общество

Далее необходимо объяснить выбор географических рамок нашего эмпирического материала – города Хабаровска. Здесь важными нам видятся два момента. Первый – его типичность с точки зрения кейса «миграции из регионального города». Второй – его особенность как «дальневосточного мегаполиса» и искусственного города (Kovalevskii, 2023), содержащего «проточное общество» (Bliakher, 2005), для которого миграция является естественной формой бытийности. Последнее необходимо пояснить дополнительно.

Хабаровск еще со времен своего освоения был одним из ключевых центров экстенсивного транснационального и трансрегионального заселения. Из года в год менялись общие цифры механического прироста / оттока (в десятки раз превышающие естественные показатели), однако же общий тренд на прирост населения за счет мигрантов сохранялся вплоть до 1990-х, когда существенно изменились цифры прироста, но не оттока. Особо интересны показатели «укоренения» мигрантов в советское время. Статистические данные говорят о том, что среднее «время проживания» приезжих в эти годы часто не превышало 3 лет, а иногда и 1,5 лет (Bliakher & Kovalevskii, 2020).

Вместе с тем методы гипертрофированного механического заселения постепенно превратили пограничный форпост в имперский (Tilly, 1997) «мегаполис» (Bliakher & Kovalevskii, 2023) – крупнейший региональный центр. Городские сообщества, формируемые в таких мегаполисах, вмещающих в себя «проточное общество», проявляются в форме «борьбы за город» (Harvey, 2003), что в итоге позволяет им, не укореняясь

в городском пространстве (в классическом понимании «urban communities» (Wellman & Leighton, 1979) или «urban commons» (Dellenbaugh et al., 2015), проявляться в социальном пространстве города, играя важнейшую роль для своих членов (Bliakher & Kovalevskii, 2021).

Начиная с 1990-х годов вместе с политическими и социально-экономическими трансформациями в стране миграционные тренды на Дальнем Востоке также сильно изменились. Демографические показатели в масштабах макрорегиона начали называть «миграционной ямой» (Motrich, 2006), что вполне оправданно исходя из темпов сокращения населения. Однако эта ситуация не коснулась «дальневосточных мегаполисов». Здесь численность населения «замерла» на своих максимальных показателях и держится до сих пор. Само же население городов сильно изменяется. Отток «коренных» горожан сохраняется, однако его замещение в численности жителей происходит за счет приехавших не из-за пределов региона, а во многом за счет внутрирегиональной (переселение из малых поселений и северных территорий) миграции.

Миграционные процессы, естественные для Дальнего Востока России и для местного общества, в совокупности с их статусом проживания в «мегаполисах» (региональных центров) создают особый эффект, который и дал нам основания для выдвижения гипотезы о «разорванном» социальном пространстве и городских сообществах, существующих в нем. Таким образом, агенты этих сообществ существуют в рамках единого социального пространства, но проживают в двух различных городах, а иногда и странах.

С одной стороны, можно говорить о том, что здесь сыграли роль классические для современных мигрантов паттерны связи с местом исхода (Castles & Miller, 2009) и формирования единого социального поля между регионами выхода и вселения (Glick Schiller, N., Basch, L. and Blanc-Szanton, C., 1992), однако в нашем случае мы рассматриваем сообщества, члены которых изначально формируются в высоко гетероген-

ном социальном ландшафте – «проточном обществе». Именно существование таких сообществ, их характеристики и особенности мы рассмотрим в настоящей статье.

Эмпирическая база и методология

В ходе исследования была собрана и проанализирована выборка биографических нарративов хабаровчан разных возрастных групп (от 20 до 30 лет; от 30 до 40 лет; от 40 до 50 лет и 60 лет +), уехавших из города в разные периоды с 1990 по 2024 год включительно. Кроме того, проводились фокус-группы со студентами старших курсов, ориентированными на переезд по окончании своего обучения, и выпускниками школ, поступающими в университеты Москвы и Санкт-Петербурга. Кроме того, были запрошены и проанализированы данные федеральных статистических ведомств с 1990 года в разрезе миграционных процессов: (1) из Хабаровского края (и г. Хабаровска включительно) в регионы России; (2) из регионов России в г. Хабаровск и Хабаровский край; (3) между регионами Дальнего Востока России. Также были проанализированы вторичные данные из основных академических текстов, посвященных дальневосточным миграциям в указанный временной промежуток. Это позволило нам, во-первых, понять основные тренды миграции и выделить «типичные случаи» для выборки респондентов и, во-вторых, описать причины, сценарии миграционных процессов и ключевые особенности социальных практик городских сообществ, разорванных в пространстве городов, регионов и даже государств.

Для анализа полученного корпуса расшифровок и интерпретации результатов самого исследования были использованы несколько теоретических подходов. Изначально мы исходим из наличия «местного уровня знаний», что в социальной антропологии Дж. Скотта получило название метиса (Scott, 1999). Статистика «верхнего уровня» говорит о миграционных процессах с точки зрения перемещения определенного количества социальных агентов из одной коробки в другую, тем самым разрывая

даже самые осторожные попытки увидеть сохраняющиеся социальные связи. «Метис» же позволяет нам эти связи зафиксировать, описать и концептуализировать, вводя в дискурс новый социальный феномен.

Кроме того, мы обращались к теории социальных сетей (Granovetter, 1973). Важной для нашего анализа стала теория транслокальности (Glick Schiller & Salazar, 2013), с помощью которой мы нашли основные направления для разработки гипотезы о «городских сообществах вне города». Теория транслокальности кажется нам хорошей оптикой, ведь наша изначальная гипотеза состоит в том, что значительная часть «мигрантов» – членов «разорванных» городских сообществ сохраняет двойственную идентичность, активные связи с сообществом исхода и сообществом прибытия, как бы прокладывая мостик социальных взаимодействий сквозь расстояние. Наконец, теория социального капитала (Bourdieu, 1986), которая акцентирует внимание на ресурсах, доступных через социальные связи и сети, с помощью чего мы и определяем «диаспоральность» для «городских сообществ вне города».

Результаты

В ходе нашего исследования мы смогли выделить три основные группы типичных городских мигрантов: (1) группа уезжающих в одном направлении, без идеи сохранения социальных связей или возвращения назад; (2) группа отложенной ассимиляции, которая на первом этапе сохраняет социальные связи с местом исхода, но постепенно утрачивает их, входя в новое сообщество; и (3) группа «разорванных» городских сообществ – это прежде всего социальные агенты, существующие в двух пространствах, но сохраняющие черты единого городского сообщества.

Первая группа чаще всего содержит в себе относительно молодых и амбициозных людей, которые после обучения в школе выбирают поступление в крупный столичный вуз, либо после обучения в местном вузе стараются переехать в крупный город на западе страны для поиска «лучшей жиз-

ни». Для них городское сообщество не сформировалось. Чаще всего они вспоминают одноклассников или детей со двора, однако особых социальных практик, детерминирующих особое «социальное пространство» в городе, к которому они бы возвращались или которое бы они могли увезти с собой, для них не существует.

Чаще всего эта группа людей, родившихся в 1980–1990-х годах в семьях, оставшихся после волны исходящей миграции в поздний советский этап. Их семьи сохраняют «сообщество» с представителями «уехавших» и воспроизводят социальное пространство, уже не характерное для своих детей, а следовательно, и не включают их в него. Детские и подростковые сообщества формируются с такими же ориентированным на отъезд сверстниками, а формальные институты взаимодействие лишь имитируют в виде спортивно-патриотических собраний или учебных классов. Во многом такое положение дел приводит к отсутствию восприятия городского пространства у молодежи в качестве «своего» и ведет к укреплению тренда на миграцию «на запад» в начале нулевых.

«Ну, у нас со школы это как-то повелось. Я учился в гимназии пятой, туда в основном идут... Ну скажем те, кто в Хабаровске долго не задерживаются, даже если плохо что-то сдал, то родители почти у всех могут заплатить за Питер или Москву. У нас учителя все говорят про уники (университеты – прим. интервьюера) на западе, плюс меня репетитор по английскому тоже к этому склоняет... Ну не то, чтобы сильно склоняет, я сам никогда не думал тут оставаться, какие тут возможности?» – 17 лет, ученик выпускного класса, г. Хабаровск.

В случае когда городское сообщество формируется в форме дружеского коллектива либо в виде объединения схожего габитуса у социальных агентов (дети из богатых семей, часто обучаются в «лучшей школе», дети научной / культурной/политической интеллигенции часто знакомы между собой и общаются в общих группах), то их отъезд часто связан с попытками ро-

дителей дать «лучшую жизнь» за пределами города. Собственно, и в этом случае усилия по выдворению из социального пространства города оказываются значительно сильнее силы социальных контактов в обществе, что приводит к их скорому выпадению и быстрой ассимиляции в месте прибытия.

«Я раньше была депутатом в думе нашей, с нами там и бизнесмены были крупные, и местные «звезды» как на подбор. Они почти все и сейчас в городе, продолжают дело свое, так сказать... А вот из детей... У первого у <...> (фамилия человека) сын поехал в МГУ, затем у <...> (фамилия человека) в Питер куда-то, ну а мои чем хуже? Я тоже отправила дочь в МГИМО, а сына в Бауманку. Возможности были, а им в будущее вклад.» – женщина 67 лет, бывший сотрудник администрации, г. Хабаровск.

Вообще, тренд на образовательную миграцию в этой группе чаще всего связан не с поиском лучшего образования, а с возможностью переезда в столичный мегаполис. Отчасти это связано с основными социальными лифтами, где повышение по карьерной лестнице рано или поздно связано с переездом, а большинство культурных и общественных форм продвижения завязаны на взаимодействии с западной частью страны. В целом эта группа занимает значительную часть в «миграционном оттоке», но не является объектом нашего внимания в данном исследовании.

Кроме ориентированной на миграцию молодежи в этой группе можно выделить и другую группу, где городское сообщество сформировано, а его географическое перемещение приводит к «консервации». Мы обнаружили такие формы при анализе современных городских сообществ и среды «тревожных» мигрантов, которые связывают свой отъезд с эмоциональными и не особо взвешенными причинами. Такой тренд складывается волнообразно приблизительно с 2014 года, когда в повестку массовых медиа врываются новые тревожные инфоповоды.

«Я побывал в 2019 году на Бали и подумал: «О! Хочу тут пожить полгода хотя

бы». Но какой-то уважительной причины, чтобы все оставить и поехать, не было. Работа тут, квартира, дела – как я уеду? Все разломается, рухнет... А тут мобилизация, и мозг сказал – вот оно, давай. Я же не просто уезжаю... Ну типа мобилизация же...?» – 32 года, бизнесмен, г. Хабаровск.

Представители этой группы в критичной для себя ситуации создают прецедент «отъезда», транслируя его на остальных членов своего сообщества. Так как это общество изначально содержит в себе формы взаимопомощи и туда входят люди, объединенные общими взглядами и системой ценности, то реакция остальных его членов не заставляет себя долго ждать. Люди в сообществе неравноценны, если катализатором отъезда становится один из «якорных» членов сообщества, то он постепенно перетягивает вслед за собой и других, тем самым социальное пространство, сформированное в г. Хабаровске «вырывается» из физического пространства г. Хабаровска и полностью переносится в другое место словно «на подошвах сандалий».

«У меня так вышло, что где-то 30–40 % друзей улетели до меня. У меня есть костяк – институтские друзья, потом второй – с которыми я на серфе катаюсь. На Пхукете у меня все институтские друзья были. Мы вот сидели там, барбекю, вечер, пиво... А все то же самое было пару месяцев назад в Хабаровске на даче. Локация только сменилась. А на острова... туда прилетели из компании по серфингу – тоже ребята хабаровские. Мы когда туда прилетели, я с ними тоже тусовался. У нас чатик был, и мы там договаривались, чего и где еще в Хабаровске, вот он и помог тут. Если что-то надо – поддерживали друг друга. Близкие все друзья рядом» – 28 лет, бизнесмен, г. Хабаровск.

Интересным становится и то, что такие городские сообщества «тревожных» мигрантов существенно острее реагируют на внешние опасности, в отличие от индивидуальных мигрантов, нацеленных на переезд в крупные города западной части страны. Для них переезд сообщества является вынужденной мерой для сохранения

привычных социальных практик и привычного социального окружения с его нормами и правилами. Остаться «в городе» означает экзистенциальную угрозу не только для себя, но и для членов сообщества, именно поэтому в своих нарративах они часто используют формулировки «мы», говоря об опасности, толкнувшей их к переезду.

«Так это очевидно, нет? Политическая ситуация. Критическая политическая и экономическая. Обычным людям, вроде нас, хочется стабильности и безопасности. Я не говорю даже о работе, как минимум стабильность в безопасности. Находясь в России, никто из нас не чувствует себя в безопасности. Особенно где-то на западе. В любом городе. Условно, когда идешь по улице или около каких-то зданий государственных. Система сломалась. Раньше это было про стабильность и защиту, а сейчас про «докопаться». – 26 лет, девушка релокант, г. Хабаровск.

Когда значительная часть одного городского сообщества покидает город, то и «идея» этого города уезжает вместе с ним. Крайне форсированные темпы миграции в «проточном» обществе создают особую социальную реальность, где разные версии одного города – социального пространства этого города, вынимаются из его административных границ и инкрустируются в административные границы других городов. В конечном итоге для членов таких городских сообществ не остается причин возвращаться в известное когда-то физическое пространство, ведь сама ценность этого пространства уехала вместе с ними.

Переходя к описанию второй группы – группы отложенной ассимиляции, следует сказать об особом типе городского распределения в советское время. Большинство локальностей советских индустриальных «мегаполисов» на Дальнем Востоке, собственно, и в Хабаровске, были закреплены за группами лиц по их профессиональному расположению, что М. Меерович называет «трудовыми коллективами» (Meerovich, 2018). Характерные для естественных городов (Alexander, 1965) социальные связи в та-

ком случае просто не формируются, чего не скажешь о тех связях, которые люди часто сохраняли с местом своего исхода¹. Делая некоторые обобщения, можно сказать о формировании размытой идентичности, где Дальний Восток выступает некоторым ментальным конструктом, содержащим общую для макрорегиона характеристику, а не указанием на конкретный географический центр – условный Хабаровск. Иными словами, в городские сообщества входят люди, которые прямо сейчас оказались в этом городе, но совсем не обязательно останутся здесь надолго. Однако именно «здесь и сейчас» они образуют единую общность, которая в этот момент является для них сообществом, конструирующим социальное пространство города.

Следовательно, в тот момент, когда для представителей этих единых «здесь и сейчас» общностей создается возможность уехать в более комфортное место – они ей пользуются. Первые – это представители межрегиональных миграций, характерных вплоть до середины 1990-х годов.

Что такое Дальний Восток? Ну, это, прежде всего, наши парни из комсомола. Они сейчас кто где. Много здесь, в Москве, много в Питере. В Германии кто-то еще с 90-х годов. Только мы всех помним, общаемся. Хабаровчане, те, кто остался в городе, тоже не последние люди там. Вот и общаемся. Они как бы и есть наш Дальний Восток. Не только Хабаровск. Из Владика люди есть, из Благи (Благовещенска – прим. интервьюера). Кто-то новый входит. Вот, ты, например, или Егорка. Кто-то выпадает насовсем. Только таких мало. Дружба – великая сила. А так дружить можно только на Дальнем Востоке – мужчина, 62 года, предприниматель, бывший работник крайкома комсомола.

При этом связи с городом и сообществом не рвутся. Для многих это становится

¹ Здесь речь идет во многом о сохранении социальных контактов, родственных связях и эмоциональных привязках с городами, из которых люди приезжали на Дальний Восток на «большие стройки» или по распределению. Из этой группы на более поздних этапах формируется целый пласт «возвращенцев», занимающих значительную часть транснациональных/трансрегиональных миграций.

предпосылкой к возвращению. У кого-то наличие «дальневосточного тыла» выступает как основание бизнеса в новом пространстве.

Со второй половины 1990-х до середины 2010-х формируется второе направление. В это время происходит значительный спад миграции между соседними макрорегионами (так, в частности, основными направлениями миграции для хабаровчан перестают быть Иркутская область, Алтайский край, Кемеровская область и т.д.) и начинает складываться тренд на переезд в западную часть страны и в южные регионы.

В этот период можно выделить две основные группы «переселенцев». Во-первых, это взрослые, часто семейные люди, которые возвращаются на свои «родные места». Большинство дальневосточников имеют семейные привязки в несколько поколений в разных регионах страны. В тот момент, когда экономическая система страны начинает перестраиваться, рабочие коллективы предприятий ВПК распадаются, а рыночные законы начинают активно проявлять стоимостную дифференциацию на рынке жилья, товаров и услуг, люди принимают решение в пользу «земляков». Эта группа людей часто сохраняет дружеские контакты с точкой исхода на Дальнем Востоке, но они прежде всего ориентированы на вхождение в сообщество принимающее.

Ну, парни помогли мне на первых порах. Я несколько точек взял мороженым торговали, а производство в Хабаровске. Потом расширились. Место бойкое, курортное, клиентов море. И мне хорошо, и парням. Потом уже постепенно стал с местными работать. Честно скажу, не просто здесь. Очень прочно все сидят. Чужих не любят. Но мы же дальневосточники. И не один я приехал. Словом, прорвались. Теперь нормально. – мужчина, 61 год, предприниматель из г. Хабаровска, переехавший в Сочи.

Первая группа является самой «историчной» формой оттока людей из больших дальневосточных городов. Агенты этой группы чаще всего функционируют по довольно привычным сценариям для пост-

советской миграции с Дальнего Востока. Здесь можно заметить общий тренд на сохранение социальных контактов с членами своего городского сообщества. Они могут возвращаться на редкие встречи «одногруппников», «встречи ветеранов труда», «концерты памяти» и т.д. Для них важна социальная память, воспроизводящая город того времени, но они совершенно не привязаны к современным городским артефактам и современному городу.

«Последний раз я приезжала в Хабаровск в 2012 году. Тогда умер наш первый руководитель предприятия, где я всю молодость отработала. Тут понимаешь, это не как сейчас. Мы тогда и жилье строили сами себе, сами сквер садили, жили все в одном доме, а работа... Она была в остальное время. В этот раз я даже не поехала туда, где жила. В гостинице остановилась. Там сейчас какую-то площадку залили и дорогу провели. Не то уже место, совсем.» – пенсионерка, 68 лет, в настоящий момент проживает в г. Калуге.

И во вторую группу можно выделить состоявшихся на Дальнем Востоке людей, которые формируют для себя комфортное место для жизни. Чаще всего это направление обусловлено климатическим фактором и связано с направлением в южные приморские регионы.

«Врачи стали говорить со временем про «надо к морю». Еще с детства говорили, что «У Виталика бронхиальная астма, и ему нужен морской климат, чтобы было по здоровью все хорошо». Родители, конечно, говорили, что да-да, но мы так и остались в Хабаровске. А потом, как на ноги встал, возможность появилась, мы домик взяли. Вот сейчас там живем» – предприниматель, 46 лет, сейчас проживает в Сочи.

Даже если направления для переезда выбираются не случайно, а вслед за переехавшими друзьями, бывшими коллегами или членами семьи, это совсем не гарантирует сохранения сообщества для этой группы мигрантов. Сначала это может напоминать сценарий, описываемый с «тревожными» мигрантами, но разница возникает при том условии, что первые – это реаль-

ное городское сообщество, сформированное в г. Хабаровске, не только как реакция на вызовы внешней среды, но как искренний интерес и симпатии. Сообщества советских мигрантов – коллективов, формировались по территориальному/соседскому признаку, отчего распадаются в пространстве других городов.

«У родителей друзья-знакомые переехали в Болгарию и с собой позвали. Там такое комьюнити не плохое было. Отец, когда еще работал... Их в Здравницу туда отправляли, они же как в составе были – Болгария. Ну точнее, не в составе, а как... дружественная, наверное, да? Получается... Мгм... В нулевых с работы отца уехали туда одни, за ними вторые. Там нравилось всем, фотографии отправляли, истории всякие рассказывали. Капали-капали на них. Они вот и решились. Для пенсии типа самое то потом будет! Сейчас живут там, скромно живут. Ни с кем не общаются из хабаровских, нашли местных фермеров каких-то, с ними вот собираются все время, уже больше по-болгарски даже» – предприниматель, 32 года, проживает в Хабаровске.

Третья группа уехавших – агенты, существующие одновременно в двух пространствах. Это состоявшиеся в финансовом или социальном плане жители города, которые содержат в себе интенции, характерные для вышеописанных групп «уехавших» (теплый климат, профессиональные амбиции и т.д.), но капитал в городе – это своего рода базис, от которого они не отказываются. Накопления, недвижимость или собственный бизнес остаются в точке исхода и служат денежной подушкой, обеспечивающей комфортную жизнь в регионе «прибытия». Дело все в том, что дальневосточные цены за аренду, бизнес-проекты позволяют содержать недвижимость почти, где угодно, а разница в уровне цен часто тоже в сравнении проигрывает другим регионам России или близлежащим странам.

«У меня остались две квартиры от дедушек-бабушек, я их сдаю. Каждая около 40 тысяч выходит. Плюс у меня осталась своя, в которую я возвращаюсь,

но думаю тоже сдать. Она большая, уйдет тысяч за 50. Это просто пассивный доход. Потом от бизнесов небольших у меня приходит где-то в среднем еще около сотки. На эти деньги я спокойно снимаю квартиры и покупаю продукты почти в любой части страны. Кстати, о продуктах. Я тут орехи начала возить с ЕАО последнее время, так вот я сумку орехов продаю, а в итоге на эти деньги могу питаться еще полгода...» – женщина, 52 года, жительница Хабаровска и Санкт-Петербурга.

В нарративах людей из этой группы часто возникают описания особых «дальневосточных» практик, связанных с перевозкой небольших партий орехов, рыбы, икры, дикоросов; или с особым типом коммуникации с азиатскими странами по бизнес-направлению или туризму. В городах прибытия именно эти люди являются ретрансляторами «востока» на западе или «запада» на востоке. Причем эта ретрансляция связана не только с предпринимательскими цепочками, но и является хорошим каналом для связи с членами сообщества в городе исхода. Как мы говорили ранее, члены сообщества неравноценны. В сценариях, описываемых ранее, «якорные члены сообществ» уезжали и увозили город с собой, где он либо «консервировался», либо растворялся. В этой же ситуации ядро сообщества остается в городе исхода – Хабаровске, а «уехавшие» создают потоки контактов и, если угодно, «филиалы» городского сообщества со своими «диаспорами». Важно заметить, что эти «диаспоры» бывают двух типов. В первом случае они постоянные.

«Мы с семьей переехали в Хайфу лет 20 назад, может чуть больше. Жена с детьми тут и живут. Детям уже совсем без разницы, они и не помнят Хабаровск этот. А вот жена... Она скучала очень, ездила туда к подругам. Но три из них с семьями со временем тоже перебрались, теперь они тут живут. Но понимаешь в чем дело... Они типа как на пенсии тут. А дети остались в Хабаровске. У одной сын с бизнесом, приезжает сюда отдыхать. У другой врач, тоже там. А у третьей... Не помню,

не буду врать. А я вот мотаюсь туда-сюда, в Хабаровске недвижки много и стройка моя, работает все это время» – мужчина, 45 лет, предприниматель из г. Хабаровска.

Во втором «диаспоры» постоянно меняются, так как в основном служат импровизированными базами отдыха, которые «держит» один из членов «разорванного» городского сообщества, или современными предпринимательскими центрами, где свой человек помогает упрощать взаимодействие с местными. Для дальневосточников – это в основном привычные азиатские направления – Таиланд, Вьетнам, Бали, Китай.

«У нас одна компания, но такая... Разорванная немного. Но мы все общаемся, ездим друг к другу, порой все разом возвращаемся сюда (прим. в Хабаровск). Почти все сейчас тут. Но месяц-другой и опять разъедемся кто куда. У меня друзья на Шри-Ланке – я к ним махну, а вот у подруги дядя в Таиланде, она к нему с друзьями.» – парень, 26 лет, предприниматель из г. Хабаровска.

Заключение

Мы сознательно помещаем термин *диаспора* в кавычки, так как он скорее выполняет роль метафоры. В классическом понимании (Dyatlov, V. I., 1999) диаспора гораздо более статична в плане взаимодействия с родиной, в отличие от сообществ трансмигрантов, а ключевой задачей для членов диаспоры становится сохранение собственной идентичности в месте вселения. Для трансмигрантов, напротив, важной социальной практикой становится активное взаимодействие как с населением в месте вселения, так и с социальными группами в месте исхода. Интересным становится то, что для трансмигрантов наличие исторической родины, при том что эта родина – «проточное» общество, выполняет роль социального маркера и наделяет трансмигранта членством в «городском сообществе за пределами города».

Таким образом, мы замечаем особый тип коммуникации, характерный для дальневосточных трансмигрантов, проявляющийся в трех социальных стратегиях: (1) классического отъезда и обрыва связей с ме-

стом исхода; (2) медленной трансграничной ассимиляции, при этом сохраняя память о месте исхода, и (3) «городских сообществ за пределами города». Как мы показали в работе, социальные стратегии меняются у разных поколений трансмигрантов, сохраняя уникальные образы Хабаровска в различных уголках мира, фиксируемых в нашем эмпирическом материале от восточного атлантического побережья до экзотических азиатских и тропических стран.

В тот момент, когда социальное пространство города Хабаровска начинает вмещать в себя различные коммуницирующие между собой социальные пространства сообществ трансмигрантов, оно начинает «мерцать». Это не приводит к социальным конфликтам, к борьбе за город или к конфронтации за ресурсы, напротив, такая форма социального взаимодействия нужна лишь для взаимопомощи и упрощения форм коммуникации, что уже, в свою очередь, детерминирует складывание новых практик.

Из нашего во многом установочного текста в рамках текущего исследовательского проекта становится понятно, что на стыке двух, довольно классических для академической гуманитаристики проблем – миграции и социологии городских

сообществ в контексте исследования современного города и его социального пространства, возникает вполне интересный феномен. По существу, представители разных типов городских сообществ конструируют различные вариации этого города в пространствах иных поселений. Какое-то «консервируют» исторические формы социального пространства, словно застывших во времени. Наши группы никогда не обнаружат «свой город» внутри Хабаровска сегодня, но продолжают хранить и воспроизводить его уже в других городах. Другие группы, распространяют Хабаровск за пределы его территориальных границ, создавая эффект «разорванных» сообществ одного города в пространстве разных поселений. Вполне возможно, что именно изучение этих социальных групп позволит иначе взглянуть на устоявшиеся в отечественной традиции взгляды на миграционные процессы, подходы в урбанистике и социологию сообществ в целом.

Описываемые нами в данном тексте сообщества существуют в «метисе» и в саморефлексии членов этих сообществ, но они совершенно отсутствуют в зримой повседневности. Вполне возможно, что со временем они просто исчезнут, как и исчезнут их социальное пространство и их Город.

Список литературы / References

- Alexander C. A city is not a tree. In: *Architectural Forum*, 1965, 122(1), 58–62.
- Bauman, Z. *Liquid Modernity*. Cambridge, Massachusetts, Polity Press, 2000, 228.
- Bliakher L. E., Kovalevskii A. V. Bez liderov, lozungov i transparentov: bor'ba za gorod i rutinnoe soprotivlenie v chastnom sektore gorodov vostoka Rossii (Na primere Khabarovska) [Without Leaders, Mottos or Billboards: Fight for the City and Routine Resistance in the Private Sector of Cities in East Russia (Case of Khabarovsk)]. In: *Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 2021, 100(1), 75–105. DOI 10.30570/2078–5089–2021–100–1–75–105.
- Bliakher L. E., Kovalevskii A. V. Gorozhanin v poiskax soobshhestva: osobennosti organizacii dal'nevostochnogo gorodskogo prostranstva (na primere goroda Khabarovska) [The Citizen in Search of Community: Peculiarities of the Organization of Far Eastern Urban Space (Case of Khabarovsk)]. In: *Ideas and Ideals*, 2023, 15(1), 134–147. DOI 10.17212/2075–0862–2023–15.1.1–134–147.
- Bliakher L. E. Dal'nij Vostok Rossii: v poiskax politicheskoy identifikacii [The Russian Far East: In Search of Political Identity]. In: *Political Science*, 2005, 3, 102–118.
- Blokland T., Mitzman Lee K. *Urban Bonds: Social Relationships in an Inner City Neighborhood*. Cambridge, Massachusetts, Polity Press, 2003, 256.
- Bourdieu P. The Forms of Capital. In J. Richardson (Ed.), *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, Greenwood, New York, 1986, 241–258.

- Bourdieu P. Sociologiya politiki [Sociology of Politics]. SHmatko, N.A. (Ed., Translator), Moscow, Socio-Logos, 1993, 336.
- Castles S. and Miller, M.J. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2009, 352.
- Dellenbaugh M., Kip M., Bieniok M., Müller A., Schwegmann M. *Urban Commons: Moving Beyond State and Market*, Berlin, Birkhauser Press: Berlin, 2015, 244.
- Dyatlov V.I. Diaspora: popytka opredelit'sya v ponyatiyah [Diaspora: an attempt to define concepts]. In: *Diaspora*, 1999, 1(1), 8–24.
- Glick Schiller, N., Salazar, N.B. Regimes of Mobility Across the Globe. In: *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2013, 39(2), 183–200.
- Glick Schiller, N., Basch, L. and Blanc-Szanton, C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. In: *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1992, 645, 1–24.
- Graham S., Marvin S. *Splintering Urbanism: Networked Infrastructures, Technological Mobilities and the Urban Condition*, London, Routledge, 2001, 512.
- Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties. In: *American Journal of Sociology*, 1973, 78(6), 1360–1380.
- Harvey D. The Right to the City. In *International Journal of Urban and Regional Research*, 2003, 27(4), 83–103.
- Kovalevskii A. V. Periferiya periferii ili osobennosti processov transformacii gorodskogo prostranstva za predelami stolicy [Periphery the Periphery or Peculiarities of Urban Space Transformation Outside of The Capital]. In: *Periphery. Journal of the Peripheries Studies*, 2023, 1(1), 93–107.
- Kovalevskii A. V. Bliakher L. E., Ivanova A. P. “Pustye prostranstva” i ih obitateli v gorodah Dal'nego Vostoka Rossii (na primere goroda Khabarovska) [“Empty Spaces” and Their Inhabitants in Far Eastern Russian Cities: The Case of Khabarovsk]. In: *Universe of Russia*, 2021, 30(3), 150–173. DOI: 10.17323/1811–038X-2021–30–3–150–173.
- Kovalevskii A. V., Bliakher L. E. Dalnevostochnaya migraciya: osobennosti interpretacii na primere kejsa Khabarovskogo kraja [Far Eastern Migration: Peculiarities of the Interpretation. Example of the Khabarovsk Territory Case]. In: *Ojkumena. Regional Studies*, 2020, 54(3), 120–127. DOI 10.24866/1998–6785/2020–3/120–127.
- Meerovich M. Gradostroitel'naya politika v CCCR (1917–1929) [Urban policy in the USSR (1917–1929)]. Moscow, Litagent NLO, 2018, 352.
- Motrich E. L. Naselenie Dal'nego Vostoka Rossii [Heritage of the Russian Far East], Vladivostok, Far East Office RAS, 2006, 224.
- Portes A., DeWind J. *Immigrant America: A Portrait*. University of California Press, 2007, 544.
- Scott J.C. *Seeing like a State*. Yale University Press, 1999, 464.
- Steel K. *Hungry City: How Food Shapes Our Lives*, London, Vintage UK, 2013, 400.
- Tilly Ch. *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires*. Boulder, Oxford: Westview Press, 1997, 211.
- Wellman B., Leighton B. Networks, Neighborhoods, and Communities: Approaches to the Study of the Community Question. In: *Urban Affairs Quarterly*, 1979, 14(3), 363–390.
- Wirth L. *Urbanism as a Way of Life*. In: *American Journal of Sociology*, 1938, 44(1), 1–24.
- Zimmel G. Izbrannoe, V. 2 [Selected, Part 2]. Moscow, YUrist, 1996, 607.